

Алиса Лиман
Саша Ким

ЕГО МАЛЕНЬКАЯ СЛАБОСТЬ

RUGRAM

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
Л58

Лиман, А., Ким С.

Л58 Его маленькая слабость/ А. Лиман, С. Ким. — М. : Т8
Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 224 с. —
(Слабость).

ISBN 978-5-521-91583-5

— К-кто вы? — вдруг выдавливает Аня дрожащим голосом.

— Кто Я? Хочешь сказать, не помнишь?! — злобно усмехаюсь я.

— Посмотри на меня, может тогда и узнаешь!

Девчонка вдруг руки протягивает. Замираю. Прохладные ладошки нерешительно ловят мое лицо в свой плен.

Какого черта она делает?

Глотаю воздух, понимая, что тут творится какая-то херня. Но отстраниться не могу. Невесомо проводит пальцами по моим ресницам. И наконец поднимает невидящий взгляд мне в глаза. Что за...

— Ты... — решаюсь озвучить догадку, — не видишь?

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос=Рус)
ВІС FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-91583-5

© Лиман А., 2022
© Ким С., 2022
© Рубцова М., оформление, 2022
© Т8 Издательские технологии, 2022

ПРОЛОГ

Поднимаюсь на сцену. Руки привычно дрожат. Но я все же беру микрофон, с трудом вытаскивая его из высоченной стойки, что подкручена для местных певиц модельного роста.

Чувствую, как потеют ладони. Успокаиваю себя тем, что зал пуст. Нечего бояться. Никто меня не услышит.

Сейчас раннее утро, и все гости клуба уже разбрелись по домам. Это единственное время, когда я могу воплощать свою мечту в реальность. Стоять на сцене. Петь.

Неудачница! Что толку от певички, которая боится сцены?

Однако, несмотря на свой страх, я отложила учебу в универе и отправилась на поиски себя. Я дала себе год. Если не справлюсь, вернусь в родной город и, как когда-то завещала мама, отучусь на учительницу младших классов. И буду до пенсии тухнуть в какой-нибудь провинциальной школе.

Чувствую, так все и выйдет в итоге. А, между прочим, школу я с детства не люблю. Мои одноклассники были ужасны. Они буквально превратили мои школьные годы в ад.

На первых нотах голос еще подрагивает. Сжимаю ладонь в кулак, прижимаю к груди, силой воли вынуждая мою песню звучать хоть немного увереннее:

– Пусть ночь темна, надежду дарит у-у-утро...

Да, дети бывают жестоки. К сожалению, часто. Ты можешь быть не у дел по любому поводу. Потому что слишком

высокая или как я — слишком мелкая. Потому что зубы кривые или просто стали выпадать позже, чем у большей массы одноклассников, — так, например, гнобили мою подругу в начальной школе, вынудив ее перевестись. Потому что твой вес превышает среднестатистическую норму ровесников или наоборот, не дотягивает, — опять-таки, как у меня. Потому что ты бедный. Слишком умный, по мнению одноклассников. Или семья твоя неполная. И опять мои пункты...

Миллион причин. Я с трудом и не без разного рода расстройств прошла через это, будучи ученицей. Поэтому смотреть, как страдают адекватные, но «не такие», дети в качестве учительницы — не хочу.

Расслабляю связки, пока в голове звучит короткий проигрыш. Набираю в легкие побольше воздуха и вновь подношу микрофон к губам:

— И все услышат, хоть голос пока мой тише...

Чтобы хотя бы попытаться воплотить свою мечту в реальность, мне пришлось переступить через тонну своих страхов. Для начала, набравшись мужества, я уехала из родного города в столицу и устроилась барменом в ночной клуб, чтобы иметь хоть какой-то доступ к микрофону.

Клуб выбирала, конечно, не абы какой. Долго штудировала интернет в поисках «того самого», о котором незадолго до выпускного ненароком слышала от своих продвинутых одноклассниц. «Живая музыка» — вот, что привлекло тогда мое внимание и стало целью.

Думала, адаптируюсь и решусь поговорить с начальством, чтобы мне дали хотя бы один шанс. Всего одну песню, после которой мое будущее будет решено. Но минуло уже почти полгода. А я все так же дрожу, каждое утро выходя на сцену перед пустым залом.

Хотя я дрожу и когда выхожу на смену. Я вообще страшная трусиха. Спасибо одноклассникам, которые успешно воспитали во мне неуверенность.

Нет, конечно, я стараюсь этого не показывать. Храбрюсь, как могу. А внутри трясет всю. Проклятье какое-то...

— *Но я выфуюсь! И голос мой не задушат! Он ваш старый мир разрушит! Я отныне всегда буду смелой!* — во всю мощь своего голоса заканчиваю любимую песню, ставшую моей поддержкой в свершениях и в то же время ироничной насмешкой над страхами, которые я так и не могу побороть.

Стою, глотая воздух от волнения. И как дура улыбаюсь, представляя, что мне рукоплещет полный зал.

— Ну вот, ничего ведь страшного, — бормочу себе под нос. Поднимаю микрофон и продолжаю во весь голос: — Спасибо, «Голд»! Вы отличная публика! — Голос звонко отбивается от зеркальных стен зала.

Как это глупо, боже мой! Хорошо, что меня никто не слышит.

Это именно то, что держит меня здесь. Стыд и страх. Да, именно они. Регулярно выходя на эту сцену, я стараюсь выкинуть нечто эдакое, мне несвойственное. Стать, хотя бы наедине с собой, более раскрепощенной.

Поклон. И можно убираться отсюда. Стрессовая норма на сегодня выполнена.

Возвращаюсь к бару, чтобы забрать свои вещи, и замираю, на секунду задумавшись. Признаться, не только сцена держит меня в этом клубе. Есть тут кое-что еще. Вернее, кое-кто...

Мистер Голд, — как его называют все местные обитатели. Хозяин этого и еще целой сети клубов в городе. Каждый раз, когда вижу его, теряю дар речи.

Не бывает таких мужчин. А раз уж и бывает, мне кажется, от подобных ему лучше бежать без оглядки. Вместо этого, обдумывая своего идеального, я почему-то каждый раз вижу перед глазами этого...

Конечно, я никогда не решусь к нему даже подойти.

Помню, когда умоляла его взять меня на работу, едва в обморок не свалилась от волнения. Его ответ был вполне категоричен: «Нет. Мала еще».

Понятия не имею, почему он в итоге вдруг передумал. Вряд ли такой мужчина сжалился бы, даже если бы я все же грохнулась в обморок к его ногам. Он непреклонный. Бесцеремонный. Огромный, как скала. Сильный...

Опираюсь локтями на стойку, мечтательно складывая кулаки под подбородком.

Помню, когда в клуб привезли рояль, он вызвался тащить его вместе с грузчиками. Закатал рукава. И боже, эти руки... Никогда не думала, что можно возбудиться, просто глядя на вены. Хотя... «старой деве», ни разу не испробовавшей запретный плод, и палец покажи — возбудится.

Глядя на то, что вытворяют ночами девушки в «Голде», чувствую себя устаревшей версией человечества. Хотя наличие девственности не говорит об отсутствии желания как такового. Я не какая-нибудь фригидная. Просто не нашлось того, с кем хотелось бы сделать... это.

Да, блин! Ну что за трусиха. Даже мыслей своих стесняюсь. Секс! Вот! Нет в этом ничего такого. Хоть иди на аукцион выставляйся, чтобы избавиться уже от этого бремени и не считать взрослые отношения чем-то постыдным!

— Взрослые отношения, — усмехаюсь я, своей мысленной изворотливости. — А я, видать, и для этого еще мала.

К черту! Нашла о чем мечтать! Не до того. Надо бы что-то придумать, чтобы наконец заставить себя подойти к менеджеру. Вот выступлю, и все решится! Либо справлюсь, либо домой поеду!

— Забери меня, — слышится вдруг из чилаута, и я холодею от неожиданности. — Я не спрашиваю, чем ты занята! Я сказал: приехала и забрала меня! Нет. Водила в отпуске. А к тебе у меня как раз разговор серьезный имеется!

Властный голос гремит в пустом зале. Резко отпрянув от барной стойки, я сжимаюсь в комок. Блин-блин! Тут кто-то был! Как я могла быть так беспечна! Пячусь к стеклянным полкам. Шторка чилаута дергается. Поздно. Не спрячусь.

Моим глазам является сам... мистер Голд. Замираю, едва дыша. Он стоит достаточно далеко. Может, не заметит? Однако, словно в ответ на мои мысли, зоркий взгляд цепляется за меня. Хочу слиться со стеклянной витриной...

— О, невеличка, ты еще здесь? — непринужденно бросает босс.

Я как обычно теряю при виде него дар речи. Боже, какой он... Мужчина. С большой, огромной такой буквы. Взрослый. Опасный. И эти руки, черт бы их побрал...

Мужчина с большой буквы повелительно манит меня указательным пальцем и опускается на банкетку у рояля, вальяжно откидываясь назад. Выхожу из оцепенения. Выскакиваю из-за бара и семеню к нему.

Кажется, мне хана! Использовала оборудование без разрешения. Блин, и он стопудово видел, как я выпила рюмку ликера из бара. Так сказать, для храбрости. Ну дура! Дура же! Ведь не хотела этого делать!

На ходу оцениваю выражение лица босса. Как всегда невозмутим. Выглядит весьма трезво, так что рассчитывать, что он попросту забудет о произошедшем, не приходится. Взгляд темных глаз ясный. Придирчиво изучает мое лицо. И меня пугает этот подозрительный прищур. Уволит? Вот дерьмо!

Останавливаюсь напротив хозяина, виновато прижав подбородок к груди. Нервно тереблю пальцами подол своего золотого платья-мини, что служит униформой для работниц «Голда». От волнения покусываю губы, хаотично сообщая, как буду молить о прощении.

— Почему так мало поешь? — вдруг выдает босс.

Поднимаю на него взгляд. От неожиданного вопроса мои глаза едва на лоб не лезут. Вот черт! Он ведь все слышал!

— Я тут каждую ночь торчу, чтобы ты всего одну-две песни спела? — продолжает он требовательно, будто этот пункт был прописан в моем трудовом договоре, а я и не в курсе.

Каждую ночь?! Значит, он тут постоянно? Сидит и слушает меня? И...

— В-вам нравится? — выдавливаю я зачем-то.

Он подается вперед, упирая локти в колени. Складывает большие ладони в замок и вопросительно выгибает бровь, словно я задала глупейший вопрос.

— Сама как думаешь?

— Ну, раз еще не уволили за использование вашей аппаратуры без разрешения, значит...

Сейчас или никогда!

— П-позвольте... — неловко мнусь, стоя перед ним. — Я бы хотела... п-попробовать. Петь. В клубе. В смысле... когда тут есть люди... Я имею в виду... кто-то кроме вас.

— Больше не хочешь петть только для меня? — усмехается он, снова откидываясь на рояль и брякая клавишами.

Темный взгляд нагло скользит по моему телу. У меня от него пересыхает в горле. Облизываю губы, чем привлекаю внимание черных глаз к своему рту.

— Я же не для вас... Ой... Ну, то есть я же не знала, что вы здесь. Иначе бы...

— Иначе бы не стала, — кивает он понимающе. — И как планируешь справиться?

— С ч-чем? — выдавливаю я.

— Со страхом. — Он вдруг резко подается вперед и ловит мою руку. — Ты же даже сейчас вся дрожишь. А ведь мы всего лишь разговариваем.

Я непонимающе смотрю на свою ладонь, которая попала в горячие тиски. Дыхание сбивается. Мерещится, что сильные пальцы поглаживают мое запястье.

— Такая пугливая. Посмотрим, как долго ты будешь прятать свой страх вместо того, чтобы предпринять что-нибудь...

Его рука скользит по моему бедру, как бы ненароком приподнимая подол и без того короткого платья. Я инстинктивно отшатываюсь от бесцеремонного касания. И засты-

ваю. Мистер Голд лениво поднимается с кожаной банкетки. Выпрямляется в полный рост и нависает надо мной.

— Это и все? — тихо рокошет он, а хищный взгляд мечется от моего приоткрытого в удивлении рта к глазам. — Если собралась сбежать, то рекомендую сделать это прямо сейчас.

Тяжелая рука ложится на мой подбородок. Ноги подкашиваются, однако с места я так и не двигаюсь. Ну и чего я встала, спрашивается?! По-моему, он недвусмысленно намекнул, каковы его намерения!

— Бежать надо... бежать, невеличка, — предупреждает он равнодушно.

Но я все еще стою. Сама не понимаю почему.

— Потом не отпущу, — его голос звучит угрожающе.

Кажется, это что-то вроде любопытства мешает мне сейчас сдвинуться с места. Хочу знать, что он делает с теми девушками, которые приходят в его кабинет время от времени. Будь это кто-то из работниц клуба, я бы уже была наслышана о том, что происходит за закрытой дверью. Но это всегда кто-то новый. Со стороны...

Большой палец скользит по моей нижней губе, отвлекая от навязчивых мыслей. Я рвано выдыхаю, невольно облизывая губы. Случайно касаюсь кончиком языка его солоновой кожи.

— Сама напросилась, — хищно скалится он.

Резко склоняется, запутываясь огромной пятерней в моих волосах. Подхватывает за талию и впивается в губы жестким поцелуем.

Я чувствую терпкий привкус алкоголя в его тяжелом дыхании. Однако это уже не имеет значения. Сам Голд целует меня. Поверить не могу.

Горячий язык врывается в мой рот. Я неумело отвечаю. Конечно, я умею целоваться. Но не ТАК... Это нечто странное для меня. Непонятное. Словно меня ведут какие-то глубинные инстинкты, а не разум. Я не то что о своих страхах

забываю. Я сейчас в принципе не способна вспомнить, как меня зовут.

И вот уже нет той дрожащей по любому поводу девочки. Есть какая-то другая личность. Она куда смелее меня обычной. Она впивается пальцами в черные как смоль волосы. Обхватывает ногами бедра мужчины, когда он приподнимает ее на руки.

Я впервые чувствую себя такой. И все дело в этих чертовых руках! Оказавшись в его требовательных объятиях, что мешают думать, вынуждают принимать незамедлительные решения, я словно теряю память...

Рояль снова брякает, неприятно резанув слух. Это мистер Голд мягко опускает меня на клавиши. Жадные руки уверенно исследуют мое тело. Будто им это не впервой.

Вот дуреха, ну конечно не впервой! Уж он-то знает, как обращаться с женщинами. А я просто подвернулась под руку. Очередная...

Черт. Эта мысль на секунду отрезвляет. Отрываюсь от его ищущего рта, когда его пальцы уверенно скользят по шелку платья, задирая подол.

— Нет, — неуверенно бормочу я.

В мой рот, словно затыкая, снова врывается горячий язык. Не позволяя мне говорить. Мощная ладонь скользит по внутренней части похолодевшего бедра.

Я понимаю, чем все это закончится. И саму себя пытаюсь убедить, что это как-то неправильно. Разве так должен происходить первый раз?

Набравшись решимости — как мне кажется, — упираюсь руками в широкую мужскую грудь. Снова отрываюсь от требовательных губ.

— Отпустите. Я не хочу... — шепчу задыхаясь, и сама себе не верю.

И он тоже. Жаждающий рот впивается в мою шею.

— Тогда, должно быть, ты дрожишь от страха? — шумно выдыхая, шепчет он рядом с моим ухом. — Или все же не от него?